

Хроника научной жизни

Экология как периферия и пространство гуманитарных наук

Летняя школа «Пространство в/для экологических гуманитарных наук: переосмысление глобального через изучение периферий»

(ИГИТИ им. А.В. Полетаева НИУ ВШЭ, Школа исследований окружающей среды ТюмГУ, 22–28 августа 2022 года)

DOI: 10.53953/08696365_2023_181_3_401

Гуманитарные языки экологии

Экологическая проблематика в гуманитарных науках (или *environmental humanities*) поднимает вопрос прежде всего на уровне определения своего предмета: у любого явления, разворачивающегося в пространстве, существует экологическое измерение. Это связывает экологическую проблематику с такими тенденциями, как пространственный поворот и изучение выстраиваемых вокруг отношений человека с пространством микропрактик. К постановке вопроса об экологии приводит в том числе и акцент на том, что нет явлений, которые существовали бы в безвоздушном пространстве, и что вопрос пространства, среды и отношений в ней — это еще один логический шаг в уточнении исторического контекста и в комплексном анализе.

Это делает экологическую проблематику примечательной институциональной основой для междисциплинарных проектов, и Летняя школа, организованная совместно Школой исследований окружающей среды ТюмГУ и ИГИТИ им. А.В. Полетаева НИУ ВШЭ, достаточно ярко суммирует тенденции последних лет в организации таких проектов. Формат предполагал совмещение лекций, представленных признанными специалистами в соответствующей области, с докладами молодых исследователей. Помимо этого, Летняя школа подразумевала практическую работу — фотоэссе о городе Карабаш, позволившее участникам апробировать комплекс визуальных методов в качестве возможности для гуманитарных исследований экологии.

Вступительная лекция *Александры Бекасовой* (Лаборатория экологической и технологической истории НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург), «*Экологическая история сегодня. Производство пространств, транспортные инфраструктуры, прак-*

тики мобильности и природы», собирала вместе и сопоставляла различные тенденции и направления в широком поле исследований, затрагивающих экологию. Прежде всего, это история собственно представлений людей об охране окружающей среды и о том, что та обладает самостоятельной структурой, которую необходимо изучать при ведении любой хозяйственной деятельности¹. К этому направлению примыкают и другие трактовки окружающей среды как объекта и актора — например, история туризма и путешественников². Можно добавить сюда и активно развивающееся направление в истории и теории картографии, анализирующее социальные и культурные аспекты картографии³, способы превращения пространства в изображения, логические и дискурсивные принципы, стоящие за этими практиками⁴. Затем — это проблема мобильности и роль окружающего пространства как фактора при передвижениях и коммуникации. Исследования мобильности имеют под собой достаточно развитую базу социальной теории, предполагающей переосмысление взгляда на социальную интеракцию в связи с феноменом перемещения. Так, Дж. Урри констатирует, что мобильность не позволяет говорить о статичном феномене общества и что исследовать можно лишь институциональные возможности и практики его постоянной «пересборки» в результате таких смен⁵.

В рамках Антропологии очерчивание того языка, который используется в гуманитарных исследованиях при работе с экологией, происходило, с одной стороны, через концептуальный аппарат исследований советского, а с другой стороны, через проблему исследования периферий. Летняя школа позволила проследить, как научный дискурс в буквальном смысле выстраивается сообществом ученых, собравшихся в рамках одного мероприятия. Потому говорить об этом событии нужно в равной степени как с точки зрения конструирования и развития в сегодняшней российской академии языка экологических гуманитарных исследований, так и с точки зрения осуществленного в его рамках опыта интеллектуальной самоорганизации.

Контроль пространства как контроль знания

Тема контроля территории и знания стояла в центре значительного числа докладов. При этом логически она тяготела к исследованиям советского, с одной стороны, исследованиям урбанистических аспектов экологии и пространственности — с другой, и исследованиям научных дискурсов, лежащих в основе регуляции и осмысления этих аспектов, — с третьей.

-
- 1 См., например: *Moon D.* The Debate over Climate Change in the Steppe Region in Nineteenth-Century Russia. *The Russian Review*. 2010. Vol. 69. P. 251–275; *Oldfield J., Shaw D.J.B.* The Development of Russian Environmental Thought Scientific and Geographical Perspectives on the Natural Environment. L.: Routledge, 2015; *Warde P., Robbin L., Sörlin S.* The Environment. A History of Idea. John Hopkins University Press, 2019.
 - 2 *Грей Ф.* История курортов: Архитектура, общество, природа / Пер. с англ. Е. Ляминой, М. Неклюдовой. М.: Новое литературное обозрение, 2009; *Elly C.* The Origins of Russian Scenery: Volga River Tourism and Russian Landscape Aesthetic. *Slavic Review*. 2003. Vol. 62. № 4. P. 666–682.
 - 3 *Кивельсон В.* Картография царства: Земля и ее значения в России XVII века / Пер. с англ. Н. Мишаковой. М.: Новое литературное обозрение, 2012; *Cobarrubias R., Piques J.* Spacing movements: The turn to cartographies and mapping practices in contemporary social movements // *The Spatial Turn: Interdisciplinary perspectives* / Ed. by B. Warf, S. Arias. L.: Routledge, 2009. P. 36–58.
 - 4 *Rosetto T.* Object-Oriented Cartography. Maps as Things. L.: Routledge, 2019.
 - 5 *Urry J.* Sociology beyond Societies: Mobilities for the Twenty First Century. L.: Routledge, 2000. P. 5.

Независимо друг от друга доклады выделяли общие урбанистические объекты, в которых организация территории и принципы ее контроля создавали самостоятельные и внутренне взаимосвязанные комплексы экологических вопросов. Таким объектом стал Новосибирский наукоград, построенный в период оттепели. Доклад *Михаила Маклакова* (Антропошкола ТюмГУ) «*Течет Зырянка-речка: опыт взаимодействия локального научного сообщества с водными ресурсами на примере Новосибирского Академгородка*» был посвящен роли воды, представлений о ее очистке в работах ученых, которые жили в Новосибирском наукограде, и показывал, что хотя ученые понимали необходимость мероприятий по поддержанию экологии воды в регионе, а также вели собственную небезуспешную деятельность по их реализации, на уровне власти экологическая повестка оказывалась смысловым центром в концепции «города-сада» лишь на словах.

В докладе *Романа Бугаева* (ЕУ СПб) «*Позднесоветский урбанистический проект: природная среда в Новосибирском Академгородке (1957–1975 гг.)*» анализировались экологические идеи, лежавшие в основе сочетания застройки и лесных массивов. Хотя «городок ученых» — возводившийся с нуля и не в последнюю очередь игравший репрезентационную роль урбанистический комплекс — оказывается, во-первых, в центре «оттепельного» экологического движения, а во-вторых, в ключе мировых трендов модернизма на озеленение, использование ландшафта в архитектуре понималось также как борьба с излишествами. Это ставит вопрос о соотношении в построении наукограда неприродных факторов (концепции) и природных — то есть о том, насколько наукоград выражает идею об экологической архитектуре, а насколько был создан таким под непосредственным влиянием ландшафта, а также о том, что тот или иной вывод говорит о практике городского планирования, о роли и степени взаимодействия города с природным пространством.

Примечательно, что тема наукограда тесно связана с темой закрытого советского города, также представляющего собой такую «гетеротопию» внутри советской системы, которую одновременно можно назвать и центром, и периферией⁶. Секретность и военная тайна, как то, что актуализирует специфические негласные правила внутреннего функционирования на ограниченной территории, были рассмотрены применительно к научному дискурсу экологии в докладе *Элины Кочерещенко* (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) «*Медицинская радиология в 1950–1960-е в СССР: формирование и артикуляция знаний*». Доклад был обращен к специфическому вопросу экологии — проблеме научного знания о радиации и роли этого знания в формировании радиационной политики и культуры. Обращаясь к истории вопроса о радиационной гигиене в 1950-е годы и созданию отдельной дисциплины — радиологии, докладчица с основой на стенограммах институтов радиологии реконструировала институциональное противостояние атомной промышленности и медицинского направления рентгенологии. Этот материал был рассмотрен с основой на описанных М. Фуко механизмах противостояния дискурсов, в частности на оппозицию истинного и ложного и на сопровождающую ее идею безопасности. Такие принципы контроля за знанием выливались в герметичность каждого из институтов, означавшую отсутствие дискуссии между разными научными группами, а также повышали роль санитарных инспекций в качестве контролирующих инстанций, чья легитимность обосновывалась представлениями о безопасных и небезопасных изотопах.

6 См., например: *Хандожко Р.* Территория политической аномалии: партийная жизнь в советском атомном городе 1950–1960-х годов // Шаги/Steps. 2016. Т. 2. № 1. С. 167–199; *Brown K.* Plutopia: Nuclear Families, Atomic Cities, and the Great Soviet and American Plutonium Disasters. Oxford: Oxford University Press, 2013.

Схожие выводы о советских научных языках исследований экологии были сделаны в докладе *Павла Демченко* (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) «*Вечная мерзлота и золотодобыча в Бодайбинском районе: преобразование и метаморфозы ландшафта*», посвященном теории вечной мерзлоты, формировавшейся в советской науке с 1930-х годов и влиявшей на конкретные решения по золотодобыче в Бодайбинском районе. «Вечная мерзлота» оказывалась парадоксальным концептом, поскольку, с одной стороны, постулировалась важность ее сохранения, а с другой стороны, это сохранение делало работы по золотодобыче фактически невозможными, так как регулярное оттаивание земли оказывалось слишком дорогостоящим. Осуществляемый в исследовании взгляд на этот материал в логике социологии объектов Б. Латура показывает, что концепт «вечной мерзлоты» воспроизводился в академии параллельно насущному хозяйственному и экономическому процессу, в ситуации несовместимости реальной технологии с научным конструктом.

Лекция *Бориса Степанова* и *Романа Абрамова* (ИГИТИ НИУ ВШЭ, Москва) «*Краеведение: знание о периферии / периферийное знание*» обобщала эту проблематику, показывая область советского краеведения как ставящую вопрос о феномене «места». При этом не возникает, во-первых, различия на городской или природный ландшафт, а во-вторых, дополнительного дискурса, организующего пространство. История дискурсов краеведения позволяет подойти к самой проблеме пространства как того, что беспокоит человека, вызывает его рефлексию и связанные с ней социальные и дискурсивные отношения: например, использование интереса человека к местности в историческом нарративе «родной земли», проводимом через учебники истории или музейные практики. Как показывает Е. Мельникова, такое состояние советское краеведение приобретает только с 1920-х годов, после того как местные инициативы по картографированию и сбору статистики⁷, наследовавшие «дореволюционной либеральной науке», позволили создать дискурсивное различие между понятиями «нации» и «народа». Народ, воспринятый через идею «края», отдалялся от подозрений в национализме и становился местом для низовых инициатив и эмансипации (сведенных к единому музейному шаблону в начале 1930-х годов). Таким образом, краеведение как знание о периферии оказывается одновременно и *периферийным знанием*, то есть, по словам Э. Джонсон,

дисциплинарной идентичностью, такой областью специализации, которая сочетает в себе определенную внешнюю структуру со значительным внутренним разнообразием; в которой ученые склонны четко отождествлять себя с изучаемым предметом, а стремление к знаниям может легко сливаться с политической и общественной активностью⁸.

Конструирование пространства

Во всех этих исследованиях специфика советской пространственности становится ключом к пониманию экологических аспектов своего времени. В рамках Летней школы задача обнаружения таких ключей решалась исследованиями своего рода экологического конструктивизма — ландшафтных и пространственных проектов,

7 Мельникова Е. «Сближались народы края, представителем которого являюсь я»: краеведческое движение 1920—1930-х гг. и советская национальная политика // *Ab Imperio*. 2012. № 1. С. 219.

8 Johnson E.D. *How St. Petersburg Learned to Study: The Russian Idea of Kraevedenie*. Pennsylvania State University Press, 2006. P. 8.

ставящих в центр достижение некоего пространственного эффекта, результат взаимодействия человека с местом. В докладе Юлии Секушиной (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург) «Санатории как “другие” пространства» примером такой советской гетеротопии становится современный санаторий — в центре которого стоит дополнительная модель для «производства пространства»: образ советского санатория и возможности его воссоздания при помощи воздействия на тело особого — гетеротопичного⁹ — режима места и темпоральности.

Доклад Ксении Пименовой (УрФУ, Екатеринбург) «Образы советской авангардной архитектуры в материалах периодической печати как фактор формирования идентичности уральского населения в эпоху индустриализации (1928—1940 гг.)» был посвящен репрезентации Урала через авангардную архитектуру в советский период. Исследование опиралось на качественный и количественный анализ массовых визуальных источников, таких как иллюстрированные газеты, и фокусировалось на содержании изображений (выборе объектов авангардной архитектуры, ракурсов съемки и т.д.) и на статистических данных (начиная от частоты появления архитектурной репрезентации и заканчивая охватом аудитории — тиражом газет, спросом на них и т.д.). Исследование демонстрировало, как такое комплексное «прочтение» связанных между собой визуальных артефактов позволяет проанализировать то, как архитектура становится частью ландшафта, его репрезентации — и, таким образом, локальной идентичности.

Современному урбанизму на стыке с вопросами экологии был посвящен доклад Святослава Костенко (ИГИТИ НИУ ВШЭ, Москва) «Делая из периферии центр. Редевелоппмент парка “Маяк” г. Магадана и споры вокруг него» о ребрендинге магаданского парка «Маяк». При этом вопрос о пространстве и его отношениях с человеком интерпретируется в том числе в терминах Ш. Зукин¹⁰ о видении пространства и притязаниях на него. Так, парк наполняется новыми объектами и смысловой нагрузкой в зависимости от того, какие именно стейкхолдеры получают возможность проводить его преобразование. В результате пространство парка представляет собой конкуренцию «урбанизмов», один из которых можно назвать «муниципальным» (приносящим в парк обезличенный памятник Высоцкому и типовые регламентации поведения на территории), а другой — «хипстерским» (выражающимся в лаконичном дизайне, создании граффити и т.д.) Исследование «следов» двух этих конкурирующих «городских идеологий», составляющих пространственный ассамбляж парка, позволяет проследить конструирование пространства парка, понимая это конструирование в ключе культурной географии¹¹.

Существенно, что интерпретация ландшафтного конструирования как экологической проблемы может приводить к спорам о том, насколько тема конструирования в принципе раскрывает самостоятельность нерукотворного пространства и его влияния на деятельность человека. При этом конструктивистский подход, применяемый в гуманитаристике к проблемам экологии, оказывается наиболее последовательным с точки зрения концептуального аппарата — пограничного между гуманитарными и естественными науками.

9 Heterotopia and the City. Public Space in a Postcivil society / Ed. by M. Dehaene, L. De Cauter. L., N.Y.: Routledge, 2008.

10 Зукин Ш. Культуры городов / Пер. с англ. Д. Симановского. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

11 Anderson J. Understanding Cultural Geography: Places and Traces. L.: Routledge, 2015.

Имперское пространство

По-видимому, наиболее полно противоречие между гуманитарными и естественными науками удастся разрешить в рамках имперских исследований. Так, географический фактор — основной вид материализации, осязаемости империи: не только ее репрезентации, но и социальной и экономической жизни, ее инфраструктурных связей. Исследования империй означают в том числе анализ того, как их «фасад» складывается из таких локальных сетей и способов коммуникации между ними¹².

В схожем ключе доклад *Камилы Хамитовой* (Челябинский ГУ) «Самый важный, самый существенный для городов законопроект...». Из истории охраны окружающей среды в Екатеринбурге в начале XX в.» объединял историю государственного управления с историей идеи и анализировал понимание экологии в Российской империи начала XX века на примере принятого в Екатеринбурге закона «Об охране чистоты почвы, воды и воздуха». Хотя этот закон подразумевал прежде всего создание канализации и других систем очистки города, чья экологичность по отношению к окружающей среде как раз вызывает вопросы, экология на институциональном уровне становится частью властной регуляции и деятельности города как нормирующей институции. Более того, реакция на этот закон в общественном мнении показывала такую деятельность как заметную, обсуждаемую и репрезентирующую хозяйственную политику органов власти.

Одновременно в случае имперских исследований тема экологии обретает важный метафорический аспект — собирающий при этом много значимых пластов философии истории и теории исторического нарратива. Одной из ключевых фигур обретения этого аспекта экологической проблематикой в гуманитарных науках стоит считать Ф. Броделя, который показал, что географическое место (во взаимосвязи его геоистории и истории в период антропоцена) может быть «историческим персонажем»¹³ и выражением при помощи метафоры того, как сам исследователь воспринимает и переживает настоящее через пространственное измерение: моря как условия торговых контактов, как пафоса общеевропейского единства и изобилия.

В гуманитарных исследованиях экологии и географии Российской империи схожее метафорическое значение вырисовывается у пространства, резко отличного от моря, — у степи. Исследования многофакторного влияния степи на структуру и мобильность внутри империи¹⁴ ставят широкий вопрос в ключе проблемы центра — периферии: как понимать институционально и географически периферийное пространство, если оно оказывается самостоятельным актором в хозяйственном устройстве империи, деформирует попытки ее унификации — и постепенно оказывается логическим центром той структуры, в которую оно вписано, поскольку сильнейшим образом влияет на эту структуру. Степь начинает играть в исследовательской рефлексии роль, сопоставимую со Средиземным морем для Европы у Броделя, совмещая анализ комплексного влияния географического объекта на жизнь людей с осмыслением этого объекта как феномена, с одной стороны, и как

12 См., например, исследования проблемы регионов: Регионы российской империи: Идентичность, репрезентация, (на)значение / Под ред. Е. Болтуновой, В. Сандерленда. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

13 Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 1: Роль среды / Пер. с фр. М.А. Юсима. М.: Языки славянской культуры, 2002.

14 Moon D. The Plough that Broke the Steppes. Oxford University Press, 2013; *Sunderland W. Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2004.

емкой метафоры для происходящих на протяжении этой истории событий и процессов — с другой.

Доклад *Максима Чупина* (Томский ГУ) «*Устойчивость*» и «*рациональность*» в текстах экспертов журнала «*Вопросы колонизации*» (1907–1917 гг.)» показывает, как в тот же период интерес к характеристикам окружающей среды связывался с процессом колонизации степи. Журнал «*Вопросы колонизации*», выступавший рупором Переселенческого управления в его стремлении влиять на общественное мнение, показывает дискурсивную связь между изучением природопользования и организацией переселения крестьян в азиатские регионы. Примечательно при этом влияние на авторов журнала научных теорий и зарубежного опыта — в частности, американского освоения фронта. Это влияние свидетельствует об интернационализации колониального дискурса, который парадоксальным с точки зрения современного понимания экологии образом основывается на знании об окружающей среде и экологической логике.

Примечательно, что эта парадоксальность деконструируется в современных исследованиях через внутренние противоречия колониального дискурса. Например, Л. Нэш анализирует рассуждения колонистов, заселявших фронт, о том, что именно в климате и географии влияет на ухудшение здоровья колонистов, которое становится своего рода лейтмотивом темы колонизации — переселения в «недружественную» и дикую среду, в которой необходимо выжить:

Поскольку ландшафты можно исследовать, чтобы выявить последствия определенных действий человека, человеческие тела — испытываемые ими симптомы и болезни — становятся площадками для изучения качества и воздействия определенных ландшафтов. Субъекты растворяются в объектах, и историческая деятельность распределяется между множеством сущностей: людьми, насекомыми, микробами, деревьями, грунтовыми водами и химическими веществами¹⁵.

Однако во всех этих направлениях экология предстает фактически в страдательном качестве: как то, что нарушается в рамках конструирования инфраструктуры империи и возвращается в локальных сообществах — иными словами, что воздействует на центр с периферии. Исследовательская традиция при этом распадается на два направления: использующее экологию как основу для обобщающих метафор, с одной стороны, и исследующее историю дискурсов и практик экологии в связи с историей колонизации — с другой. «Негативность» экологии в таких подходах ставит вопрос о деколонизации экологии в гуманитарных исследованиях.

Деколонизация пространства и знания

Один из способов реализовать эту деколонизацию посредством взаимодействия гуманитарной и естественно-научной оптик был представлен на Летней школе лекцией *Светланы Кравчук* (Лаборатория арктического дизайна УрФУ, Екатеринбург) «*Пространственное измерение изобретательности: от освоения к присвоению бездорожья*». Гуманитарное исследование (полевая антропология) связывается в проекте с проблемой изобретательности и выходит в область взаимодействия с прикладными техническими исследованиями. Арктический дизайн, означающий специфику того, как организуются технологии и хозяйства у сообществ, живущих

15 *Nash L. Inescapable Ecologies: A History of Environment, Disease, and Knowledge. University of California Press, 2006. P. 5.*

в экстремальных условиях (например, вечной мерзлоты), исходит при этом из широкого, эпистемологически и философски открытого вопроса: что значит быть человеком в экстремальных условиях? Разработки исследователей по изучению логик и принципов, выработанных в специфических ландшафтах и экосистемах их коренными жителями, на практике производит деколонизацию знания и технологий, поскольку способствует пересмотру принципов универсального производства (например, транспорта для передвижения по снегу и льду) через другие технические принципы — и другой дизайн (доказывая при этом, что «периферийные» технологии и ситуативное знание оказываются эффективнее, чем позитивистская модель универсальных научных принципов)¹⁶.

В докладе *Дарьи Хохловой* (НИУ ВШЭ, Москва) «*Деколонизация субъекта в кинематографе Аничатпонга Вирасетакула*» проблема постколониализма рассматривалась как экологическая проблема границ между разными субъектами. Докладчица рассказала о том, как в тайском независимом кино человек взаимодействует с животными, духами в джунглях или ископаемыми останками. Сопоставляя разные фильмы, она пришла к выводу, что все их можно объединить через идею планетарной памяти. Такая концепция памяти позволяет помыслить субъективность за пределами эпохи антропоцена, тем самым избежав обозначенную Э. Саидом дихотомию постколониального дискурса: пережить чужое прошлое как собственный опыт оказывается возможным вопреки тезису о том, что представители разных сообществ никогда не смогут понять друг друга. Такое понимание выражается в экологическом единстве.

В представленных направлениях исследований академический язык утрачивает строгие рамки и раскрывается в сторону как прикладных исследований, так и высказываний в формате критики и открытого диалога. Другими словами, экология в гуманитарных науках становится не просто комплексом тем и вопросов, развиваемых преимущественно в ключе истории, культурологии и антропологии, но и метаязыком, предлагающим трансформации источниковедческих, методологических и теоретических принципов.

Переоткрывая пространство: источниковедение экологии

В гуманитарных исследованиях экологии возникает общий вопрос выборки и интерпретации источников: как можно говорить об экологии и пространственности применительно к темам, в которых такая рефлексия по меньшей мере не является основным содержанием? Одновременно с этим существует вопрос о том, возможна ли в принципе реконструкция и интерпретация природных процессов при помощи методов гуманитарных наук — и если да, то каким образом этот метод влияет на постановку вопроса?

Ярким примером решения этой проблемы стала лекция *Маргариты Дадыкиной* (Лаборатория экологической и технологической истории НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) «*Мобильность и пространство в раннее Новое время: монастырский опыт управления пространством на Русском Севере*» о феномене «монастырской колонизации», проявившемся в освоении северных регионов Московского государства XVI—XVII веков. Роль монастырей как хозяйственных субъектов, преобразование ими ландшафта и создание ими собственной администрации требует подробного рассмотрения, причем на материале разных групп источников — от

16 *Usenyuk S., Hyysalo S., Whalen J.* Proximal Design: Users as Designers of Mobility in the Russian North // *Technology and Culture*. 2016. Vol. 57. № 4. P. 866—908.

исторической географии и анализа количественных данных до введения в оборот новых хозяйственных записей. Подобная работа позволяет говорить о своего рода источниковедческой виртуозности, ведь от исследователя требуется в буквальном смысле обнаружить в источниках то, что напрямую не сказано в них: составители хроник и хозяйственных записей не думали об экологической перспективе, но вместе с тем фиксировали данные о преобразовании человеком ландшафта, о природных и климатических факторах этого преобразования.

Отдельно следует сказать о важности выстраивания историографической традиции такой работы, поскольку сегодня в ее логике причудливым образом переплетается советская источниковедческая традиция, подразумевающая навык работы с социально-экономической историей Средних веков и Нового времени, с теориями производства пространства А. Лефевра¹⁷ и изобретения повседневности М. де Серто. Их при этом дополняет не просто концептуальный пласт, но и контекст экспериментальных источников и материалов для исследования, восходящий к вкладу во французскую теорию 1960-х годов школы «Анналов». В то же время новые подходы к исследованию мобильности, в частности работы Дж. Урри, прибегают к схожей с «Анналами» постановке вопроса: например, анализируя роль представлений о времени и темпе жизни для уровня мобильности в обществе в духе работы Ж. ле Гоффа¹⁸.

Себастьян Емец (ТюмГУ) в докладе «*Стремление, ощущение и практика подвижности между Сибирью и Китаем*» рассказал о феноменах мобильности и трансграничности применительно к физическому и воображаемому пространству российской Сибири и Китая. На основе включенного наблюдения в транснациональной китайской деревне (большинство населения которой составляют трудовые мигранты) было показано, как такими символами и ритуалами становятся практика употребления кофе (заимствованная из европейского контекста и отсылающая к нему, в том числе и в силу нераспространенности этой практики в Китае) и привычки к температурному режиму (отсутствие распространенного в более традиционной китайской культуре «страха холода» — в силу привычки к кондиционерам). Такое выстраивание источниковой базы антропологического исследования из микропрактик взаимодействия с климатом и пространством, а также понимание через них феномена мобильности как макропрактики показывает новое измерение тех исследовательских направлений, которые изучают трансграничность, — от оптики культурного трансфера¹⁹ до новых междисциплинарных альянсов, складывающихся вокруг изучения мобильности²⁰.

Другим направлением работы в этом ключе является создание источниковой базы методами digital humanities. Например, в докладе *Германа Минзафарова* (СПбГУ) «*Забывшие взрывы в незабытой стране: геоинформационный проект об авариях на нефтяных и газовых месторождениях СССР*» была представлена проблема создания электронных баз данных и картографирования (на основе геокодирования) аварий на советских газовых и нефтяных месторождениях. Создание такой базы позволяет анализировать данные как о развитии промышленности и техник ликвидации аварий, так и об их последствиях — например, уровне загряз-

17 *Лефевр А.* Производство пространства / Пер. с фр. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015.

18 *Urry J.* Op. cit. P. 105–131.

19 *Эпань М.* История цивилизаций как культурный трансфер / Пер. с фр. М.Е. Балакиревой, А.В. Голубкова, Е.Е. Дмитриевой. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

20 *Dahms H.J.* Rethorizing global space in sociology: Towards a new kind of discipline // *The Spatial Turn: Interdisciplinary perspectives* / Ed. by B. Warf, S. Arias. L.: Routledge, 2009. P. 88–101.

нения, выявляемом на основе ряда специальных индексов. При этом важно, что создание базы данных ставит и более привычные источниковедческие вопросы: какие общие критерии для описания конкретной аварии должны вноситься в базу и как поступать с теми случаями, о которых известно из источников, но для которых невозможно подробное описание; как соотносить при создании баз аналитическую и описательную составляющие, ведь операционализация базы возможна лишь при сравнении ее с другой базой, созданной по тем же критериям.

Вместе с тем в контексте экологической проблематики во всех этих направлениях сохраняется некий запрос на дополнительное источниковедческое открытие: можно ли тем не менее (и каким образом) при помощи гуманитарных методов обратиться непосредственно к природному объекту и ландшафту, преодолев расхожее противопоставление естественных наук и наук о человеке?

Экология как междисциплинарное пространство

Хотя digital humanities удастся решать эту задачу успешно, согласование экологической оптики в естественных и гуманитарных науках часто непросто. Однако о его перспективности говорит само наличие общих объектов — явлений, вызывающих исследовательские вопросы. Так, сразу два доклада были посвящены проблеме лесных пожаров, при этом исследуемой в совершенно разных оптиках. В докладе *Марии Нестеровой* (ТюмГУ) «*Ретроспективная динамика лесных пожаров в Тюмени: палеоантропологический анализ за девять тысяч лет*» она рассматривалась с точки зрения антропоцена: на основе палеоантропологического анализа (макрочастицы угля) выводится динамика пожаров за несколько тысяч лет, что позволяет прийти к выводам о связи роста этой динамики с антропогенными факторами, а не с климатическими. Доклад *Анастасии Горелко* (Антропошкола ТюмГУ) «*“Гори, гори, гори?” Общественная реакция на лесные пожары в Сибири с начала XX века по наши дни*» был, напротив, посвящен общественной реакции на пожары, становлению этого явления как фактора общественной жизни и информационной политики. Такое сочетание оптик позволяет говорить о комплексном изучении объекта, формировании феномена при помощи междисциплинарной традиции изучения.

Важными смысловыми центрами в работе Летней школы стали объекты ландшафта, в котором она проходила. Одной из ключевых практик междисциплинарного диалога стала практическая работа над полевым исследованием города Карабаш, сочетающего в себе несколько экологических аспектов центра и периферии: выполнение им функций индустриального центра в рамках периферийного пространства; формирование внутри него урбанистических стратегий в соответствии с тем, как именно действует такой центр; стабильного сохранения в нем крайне неблагоприятной экологической обстановки, созданной химическим производством.

Вводная лекция *Наталии Юркевич* (ИНГТ СО РАН, Новосибирск) представляла взгляд на город Карабаш (в котором в рамках Летней школы было организовано полевое исследование) с точки зрения химического анализа загрязнений и их распространения в воде и почве. По выводам докладчицы, загрязненность Карабаша действительно можно назвать крайне серьезной, поскольку распространение отходов к настоящему времени фактически делает невозможной полную очистку территории. Такое понимание обстановки с точки зрения естественной науки создает контекст для других направлений исследования: например, для понимания того, в какой неблагоприятной и опасной для здоровья экологической обстановке находятся участвовавшие в интервью жители Карабаша, или для кон-

текста интерпретации запечатленных в фотоэссе деталей ландшафта — в частности, озера, чей необычный цвет является именно результатом попадания в него промышленных отходов.

Выбор Карабаша в качестве реального кейса для совместной работы при помощи экспериментального метода оказался ярким концептуальным и эвристическим приемом Летней школы, поскольку позволил не только столкнуть различные взгляды на один и тот же объект, но и показать необходимость их сотрудничества на уровне реальных проектов.

Визуализация пространства

Примечательна состоявшаяся после лекции Н. Юркевич дискуссия: по замечаниям участников, необычный цвет воды в озере является яркой визуальной чертой ландшафта, и эта яркость может становиться основной для визуальной и метафорической репрезентации этого ландшафта (по сути, становящегося абсурдистским и антиутопическим), для привлечения внимания к его катастрофической экологической обстановке — например, в публичных акциях или художественных проектах. Однако с точки зрения языка химии как естественной науки, которая исследует, что стоит за таким состоянием воды, оказывается трудно вообразить внешний вид и возможность представить крайне серьезное загрязнение как визуально привлекательный, требующий рефлексии объект.

Такая дискуссия показывает возможную конфликтность естественно-научного подхода к экологии с гуманитарным и антропологическим. В частности, с другой формой гуманитарного исследования экологии: проведением анализа при помощи метода визуализации, прежде всего — фотодокументации как попытки комплексной репрезентации ландшафта и изучения его визуальной составляющей. Практическое применение этого метода участниками Летней школы стало ее кульминационным заданием, выразившемся в форме фотоэссе о Карабаше: в фиксации природного и урбанистического ландшафта, антропологических особенностей жизни города. Сам формат фотоэссе, в основе которого лежат принципы визуальных методов в антропологических и социальных исследованиях, является скорее практическим, а не теоретическим проектом²¹. Визуальный материал, открывающий для исследовательского анализа область невербального и кинетического, означает трудность перевода в текстовую форму²², а потому аналитическим методом становится создание самим исследователем такого материала (например, перефотографирование изменившегося ландшафта с основой на фотографиях, сделанных ранее, позволяющее осуществить корректное сравнение).

Лекция *Раины Абиловой* (Антропшкола ТюмГУ) «*Фотография как инструмент исследования*» показала, как обработанные или созданные исследователем фотодокументы становятся самостоятельным материалом, который, хотя и открывает доступ к исследованию ландшафтов, является герметичным. Фотография оказывается таким исследовательским языком, перед которым стоит вопрос сохранения внутренней логической и типологической последовательности: разделения фотографии как эго-документа, как стимулированной исследователем фотографии (например, просьба к респонденту вести фотодневник) или же созданной исследователем фотографии. Общей проблемной областью при этом оказывается

21 *Banks M. Visual Methods in Social Research. L.: SAGE Publications, 2001.*

22 *Mitchell W.J.T. Picture theory. Essays on Verbal and Visual Representation. University of Chicago Press, 1994.*

дихотомия описательной и аналитической функции как метода: необходимость анализировать не только визуальный язык как «содержание» фотографии, но и визуальный *метаязык* исследования.

Так, в докладе *Александры Раевой* (Лаборатория Арктического дизайна УрФУ, Екатеринбург) «*Визуализация исследований: этнографический комикс как актуальный язык научной коммуникации в междисциплинарном исследовании проблемы изменения климата в Республике Алтай*» в качестве методов визуализации рассматриваются этнографические комиксы, которые понимаются, во-первых, как способ упрощения и универсализации информации, а во-вторых, как инклюзивное представление наблюдений и выводов полевой работы участникам интервью. При этом можно говорить и о трудности в передаче языка исследователя через визуальный язык, ведь идея того, что визуализация и форма комикса обязательно означают упрощение, сама по себе требует доказательства — особенно в связи с тем, что комикс сам является языком глобализованной массовой культуры.

В таком подходе междисциплинарная работа приближается к логике объектно-ориентированной онтологии, когда метод определяется уникальностью феномена, привлечением или самостоятельной разработкой всех оптик, необходимых для его описания. Характерно, что такая работа часто связана не просто с оптикой гуманитарных наук, но и с философской оптикой.

Альтернативное пространство и квир-экология

Для развития и рефлексии направления, которое понимает экологию онтологически или феноменологически, важно дополнительное обращение к возможностям для новых трансформаций ее гуманитарного языка. Например, к создающим соседство исторического и философского языков областям экофеминизма и квир-экологии²³.

Такой метод был представлен в докладе *Романа Головина* (независимый исследователь, Казань) «*Мерцание сумрака: лиминальность и тафономия как свойства темной пространственности*», который проблематизировал применительно к исследованиям города категорию тафономии — протяженности, наслоения. Категория связана не только с проектом новых онтологий, но и с феноменологическим понятийным аппаратом, восходящем к работам М. Мерло-Понти и Г. Башляра. Этот аппарат, ставящий вопрос о ритме пространства и о «мерцании» в нем присутствия и отсутствия, участвует в междисциплинарном взаимодействии и тем самым связывает проблематику «темного» пространства в том числе с социологией мобильностей Урри, в которой феноменологическое наблюдение за ритмом явленного и неявленного показывает ощущение жилища (*dwelling*) и возможностей выхода за его пределы²⁴. Практической реализацией этих теоретических наблюдений могут быть в том числе предложенные в докладе тезисы о сознательном включении пустотности в урбанистическое планирование.

Доклад *Екатерины Нойкиной* (МВШСЭН, Москва) «*“Город под подошвой”*: Каким образом миф об анти-городе собирает и изменяет город?» был посвящен феномену «антигорода» — таким представлениям жителей города о его пространстве, когда «внешний» и нормативный его образ получает свое отражение и дополнение в некоем альтернативном пространстве. На примере Барнаула было рассмотрено, как основой для воображения «антигорода» становятся легенды о подземном городе или закрытых ветках метро. Образы антигорода при этом свя-

23 Gaard G. Toward a Queer Ecofeminism // *Hypatia*. 1997. Vol. 12. № 1. P. 114—137.

24 Urry J. *Op. cit.* P. 116—117, 136.

зываются как с темной и пугающей стороной (выражающейся в легендах о призраках или преступниках), так и с эмансипацией истории города и возможностями его переоткрытия и «присвоения через рассказывание историй» — городских легенд. Проблема «антигорода» может быть рассмотрена в семиотическом ключе, по принципу «города как текста».

Помимо семиотики, квир-экология связывается с экспериментальной методологией экокритики (eco-criticism)²⁵. Этот подход позволяет в рамках исследования обратиться к анализу художественных текстов, которые являются свидетельством о пространственном опыте. В российском интеллектуальном контексте можно выделить такое направление его рецепции, как осмысление проблемы «малой родины»: пересборки идентичности субъекта через открытие его связи с «другим» пространством и содержащихся в нем гибридности и номадизма²⁶. Такая пересборка, прибегающая в том числе к методу автоэтнографии²⁷, стремится понять экологию как своего рода субъектность пространства и феноменологию *места*²⁸, объединяющего текущие и прошедшие события общей категорией *здесь*.

Доклад *Анны Ерошенко* (ИГИТИ НИУ ВШЭ, Москва) «*Субъектность пространства как проблема деколонизации экологии: Калининградская область как советская периферия*» представлял собой попытку такого объединения затронутых аспектов через обнаружение современных Калининграда и Калининградской области как лишенных субъектности: принужденных быть «голой экологией» и *занимать место в составе империи*. Так, после Второй мировой войны область преобразовывается как сознательно десубъективируемая (что выразилось, например, в тотальной смене немецких топонимов на русскоязычные). Схожий вывод, основанный при этом на другой оптике, делается в исследовании К. Браун, предложившей для Калининградской области концепт «биографии не-места»²⁹. Сталкиваясь с голодом, разрушенными городами и неумелой организацией колхозов (формой несамостоятельного хозяйства), люди сливались с пространством в общей *травме экологии*. Насилие над пространством и его экологией состоит здесь не в том, чтобы выжать из них как можно больше ресурсов, а в том, чтобы держать их в неподвижном состоянии, «занимании места», «нахождении в качестве». Возможность говорить о таком насилии становится дополнительной интерпретацией языков экофеминизма и квир-экологии — с точки зрения которых ненормативность и хаотичность пространства часто, напротив, осмысляется как основа для локальной идентичности и ее дискурсивного освобождения.

Вместо заключения

Хотя обсуждение докладов сопровождалось продолжительными дискуссиями о релевантности выбранных методов и о трактовке теоретических положений, общим и, возможно, главным выводом следует считать другой. Несмотря на распростра-

25 Phillips D. Ecocriticism, Literary Theory, and the Truth of Ecology // *New Literary History*. 1999. Vol. 30. № 3. P. 577–602.

26 *Васякина О.* Рана. М.: Новое литературное обозрение, 2021; *Тимофеева О.* Родина. М.: Сигма, 2021.

27 Adams T.E., Holman Jones S., Ellis C. *Autoethnography*. Oxford: Oxford University Press, 2015.

28 *Soon A.* Women and Domestic Space in Contemporary Gothic Narratives: The House as Subject. L.: Palgrave Macmillan, 2015.

29 *Brown K.* A Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland. L.: Harvard University Press; Cambridge (Mass.), 2003.

ненный в историографии тезис о том, что теоретическое знание до сих пор воспринимается в гуманитарном знании в лучшем случае формально, Летняя школа на Тургояке показала скорее противоположную тенденцию. Несмотря на трудность соотнести друг с другом более специальные языки в изучении экологии, ключевые теоретики конструктивистского поворота (Латур, Лефевр, Фуко) сегодня играют роль не вынужденного и кажущегося ненужным «теоретического введения», но, напротив, общего языка, в той или иной степени понятного большинству исследователей и помогающих найти точки соприкосновения.

Этот вывод, с одной стороны, обнадеживает, поскольку свидетельствует о наличии внутри современной российской академии как возможностей для междисциплинарных гуманитарных проектов об экологии и пространстве, так и заинтересованных в междисциплинарном взаимодействии исследователей. Однако, с другой стороны, именно в свете *environmental humanities* такой вывод выявляет определенные трудности для встраивания проектов в международный научный контекст. Прежде всего, эти трудности заключаются в позиции гуманитарных наук по отношению к естественным, в отсутствии налаженного взаимодействия между ними, равно как и между гуманитарными науками и активистскими или художественными проектами. Это положение дел связано с общим кризисом академии как экспертной институции, критериев ее прозрачности и доверия ее экспертам (в том числе и со стороны других экспертов). Возможность развивать *environmental humanities* в ключе междисциплинарных проектов ограничивается тем, насколько интерес к теоретической плоскости и хорошие возможности для сотрудничества между учеными с трудом находят выход на достаточные для качественного эмпирического исследования ресурсы.

Анна Ерошенко

**Всероссийская научная конференция
«XIV Мелетинские чтения “Текст
и историческая реальность”».
Секция «Межкультурная коммуникация»
(РГГУ, 20–22 октября 2022 года)**

DOI: 10.53953/08696365_2023_181_3_414

Очередные Мелетинские чтения были подготовлены Учебно-научным институтом высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского РГГУ совместно с Центром типологии и семиотики фольклора РГГУ. Конференция состояла из двух частей: в одной участвовали фольклористы, в другой — филологи. Мой отчет посвящен второй, филологической части, которая проходила 22 октября и называлась «Межкультурная коммуникация».

Открыла ее *Инна Матюшина* (ИВГИ им. Е.М. Мелетинского РГГУ, Москва) докладом «Диалог культур: рецепция французских романов в средневековой Скандинавии», и это было вполне логично не только по причинам хронологическим (все остальные доклады были посвящены более поздним эпохам), но и потому, что Матюшина работает именно с тем материалом, которым много занимался Мелетин-